

ОБРАЗЫ ВЫПУСКНИКОВ ЛИЦЕЯ В ЛИТЕРАТУРЕ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕЛЕКЦИЯ И ЛИЧНЫЙ ВЫБОР*

Рассмотрен вопрос, почему Ф.М. Достоевский сделал Н.В. Ставрогина выпускником Александровского лицея. Выбор места учебы для литературного героя всегда не случаен. Лицей играл в жизни писателя известную роль – выпускниками лицея были многие его знакомые, в т. ч. петрашевы, включая самого М.В. Буташевича-Петрешевского. Лицей не был рассадником вольнодумства, но в нем учились в том числе известные революционеры, от декабристов до участников Октябрьской революции. Но самое главное – не в пример демократичному университету лицей был исключительно дворянским учебным заведением, со склонностью к изоляционизму, строго поддерживающим именно дворянскую культуру и с презрением относящимся ко всем другим. Именно стремление Варвары Петровны подчеркнуть исключительность единственного сына могло заставить ее сделать такой выбор.

Ключевые слова:

литературный герой, лицей, революционер, сословная культура, учебное заведение.

Шоломова Т.В. Образы выпускников лицея в литературе: государственная селекция и личный выбор // Общество. Среда. Развитие. – 2017, № 3. – С. 71–73.

© Шоломова Татьяна Валентиновна – кандидат философских наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург; e-mail: tatyanaasholomova@yandex.ru

Данная статья посвящена локальному литературоведческому вопросу: почему Ф.М. Достоевский сделал Николая Всеволодовича Ставрогина выпускником Александровского лицея? С одной стороны, это закономерно, поскольку, по мнению специалистов, «вклад выпускников Лицея в литературу гораздо обширнее, чем принято считать. Лицейисты вошли в нее не только своими сочинениями в прозе и в стихах, но и своими личностями, оказав определенное влияние на произведения, ставшие знаковыми в русской литературе» [6, с. 201]. С другой стороны, ответ на этот вопрос не так прост и требует как анализа имеющихся сведений о данном учебном заведении, о его роли в жизни Достоевского (если таковая была), так и тех резонансов, которые заставили любящую мать Варвару Петровну (или, напротив, автора произведения) выбрать в столице именно лицей, а не университет.

Что касается лицея и его более чем столетней истории, то в данном случае важными представляются следующие обстоятельства: несмотря на все замыслы и отборы, результаты обучения в лицее были очень разными. Со временем слава его потускнела, но это сейчас очевидно, что после первого же выпуска его можно было спокойно закрыть, потому что главную свою задачу – воспитать национального гения – он выполнил, и последующие выпуски уже не имели такого исключительного значения

для национальной истории и культуры. Перестроенный и преобразованный Александровский лицей не решал прежних задач, «потерял свою первоначальную роль и стал дублировать курс юридических наук в университете» [7, с. 210].

Тем не менее, открытым остается вопрос о том, какой результат свидетельствует об успехе инновационного учебного заведения: значительное количество прославленных выпускников, крупных государственных деятелей, реально определяющих политику государства – или просто множество хорошо образованных людей, поскольку хорошее образование необходимо в частной жизни не меньше, чем в государственной: именно из таких людей и складывается образованная нация [4, с. 107; 5, с. 368].

Списки выпускников Царскосельского и Александровского лицеев опубликованы [9; 10]; сведения о конкретных людях легко доступны (если, конечно, они имеются). Известное количество выпускников, например, обозначено просто как сын, отец или брат какого-либо другого, чуть более известного, человека, например: «Малиновский, Иван Васильевич (1796–1873) старший сын первого директора Лицея, В.Ф. Малиновского» [9] или «Орлай де Краво, Михаил Иванович, сын И.С. Орлая», или даже такое примечание (про Мотовилова Павла Ивановича): «Его дед, Егор Николаевич (1781–1837) приходился двоюродным бра-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта 17-03-00846 «Идеи европейского классического образования и стратегии современного российского университета».

том «Серафимову службе», Николаю Александровичу Мотовилову» [10]. Помимо тех, кому выпала такая специфическая форма бессмертия, в списках выпускников много людей, о которых вообще никаких сведений, кроме имени, фамилии и отчества, нет (даже лет жизни): из числа выпускников Царскосельского лицея (до 1842 г.) таких 10 человек, из них 1 серебряный медалист; из 1757 выпускников Александровского лицея ничего не известно о 766 (из них 32 золотых медалиста и 21 серебряный).

Итак, возвращаемся к поставленному вопросу: почему Ф.М. Достоевский отправил Николая Всеволодовича Ставрогина учиться в Александровский лицей?

В романе об этом сказано так (про готовящуюся поездку Варвары Петровны и Степана Трофимовича в Санкт-Петербург): «Надо было по возможности напомнить о себе в свете, по крайней мере попытаться. Гласным же предлогом к путешествию было свидание с единственным сыном, оканчивавшим тогда курс наук в петербургском лицее» [3, с. 21].

На этот факт крайне редко обращают внимание и комментируют его. Ровно один раз Л.И. Сараскина в книге 1991 г. «"Бесы" – роман-предупреждение», восстанавливая последовательность дороманных событий и фактов биографии Ставрогина, написала буквально следующее: «1840 – год рождения Ставрогина; 1849 – начало домашнего воспитания; осень 1855 – декабрь 1860 – годы учебы в петербургском Лицее. <...> Как видим, дороманные эпизоды жизни Ставрогина помещены в контекст конкретного пространства и в жесткие рамки времени: учась в петербургском Лицее с 1855 по 1860 год, Николай Всеволодович мог иметь вполне реальных однокашников. Даты учебы Ставрогина в петербургском Лицее имеют реальные обоснования. Выпуск XXIV курса из двадцати девяти лицейстов («ставрогинский») состоялся в декабре 1860 года. Предыдущий, XXIII курс был выпущен в мае 1859 года (это для Ставрогина рано), следующий, XXV курс был выпущен в мае 1862 года (это для него уже поздно)» [8, с. 16].

Вообще вопрос «Достоевский и лицей» (Царскосельский или Александровский) ставить не принято. Поскольку писатель в лицее не учился, вроде бы лицей никакой роли в его жизни и биографии не играл. Но это не так. В книге С.В. Павловой «Лицей и лицеисты» есть глава «Лицеисты – прототипы героев литературных произведений», и она указывает, что князь Мышкин списан с обучавшегося в лицее графа Кушелева-Безбородко [6, с. 198], и что Достоевский

наделил чертами своего друга лицеиста А.Е. Врангеля главного героя романа «Подрасток» Аркадия Долгорукого [6, с. 201]. Ставрогина она не упоминает, что понятно, потому что у него не было прототипа.

При этом из числа знакомых Достоевского лицей закончили М.В. Бутаевич-Петрашевский в 1839 г. двадцатым в списке; А.И. Европеус (1847), Н.С. Кашкин (сын декабриста); а также привлекавшиеся по делу петрашевцев Е.С. Есаков (сын лицейского товарища Пушкина) (1844) и однокурсник Петрашевского, десятый в списке Н.И. Кайданов, а также не окончившие курса Н.А. Спешнев и В.А. Энгельсон [7, с. 223].

Лицей заканчивали и известные революционеры братья Серно-Соловьевичи: Николай Александрович в 1853 году с серебряной медалью и Александр Александрович в 1857. «Революционеры и неблагонадежные среди выпускников лицея» – отдельная тема, потому что даже первый выпуск дал России не только канцлера А.М. Горчакова, но и декабристов В.К. Кюхельбекера и И.И. Пущина. Зачислять или нет революционеров в число государственных деятелей зависит от степени консерватизма общества: сегодня разумеется нет, а при советской власти это было вполне возможно (С.Д. Руденская называет их «славной плеядой революционных демократов – выпускников Лицея»; среди выпускников Лицея были также деятели Октябрьской революции [7, с. 223].

Что касается XXIV («ставрогинского») выпуска, то, во многом благодаря словарю «Деятели революционного движения в России», изданного Обществом политкаторжан, можно многое узнать о возможных товарищах Николая Всеволодовича. Надо сказать, что бывшие политкаторжане были люди благодарные и включили в свой словарь справедливости ради всех, кто имел к революционному движению хоть какое-то отношение – копейку дал или хоть раз попал под подозрение. Поэтому в этом слове есть даже московский толстосум и меценат Кузьма Солдатенков [2, с. 383].

Среди предполагаемых соучеников Ставрогина были, конечно, и те, от кого остались только имя, фамилия и отчество (13 человек) – но были и такие люди, как:

– Милорадович Леонид Александрович (1841–1908), секретарь русского посольства в Штутгарте; находился в весьма близких отношениях к Герцену, в следствие чего и за сочувствие украинофильским идеям в 1863 г., по возвращении в Россию, подчинен секретному надзор, снятому в 1870 г. Впоследствии – гофмейстер, каменец-подольский губернатор [2, с. 243];

– Ножин, Николай Дмитриевич (1841–1866). Он учился в Гейдельберге, «был близок с Бакуниным». В начале 1865 г. вернулся в Россию. Вращался в радикальных петербургских кружках (петербургские «каракозовцы» – петербургский филиал кружка Ишутина). По распоряжению высш. учр. след. Комиссии подчинен негласному надзору «за вредный образ мыслей» и за принадлежностью «к крайнему нигилистическому направлению». Друг и руководитель Н. К. Михайловского. Умер 3 апреля 1866 г. в Мариинской больнице в Петербурге от тифа» [2, с. 281]. Тут нельзя не обратить внимание на дату: товарищ «петербургских каракозовцев» умер на свободе только потому, что сделал это вовремя – ровно за сутки до выстрела самого Каракозова; Ольхин Сергей Александрович: «В 1861–1862 гг. состоял заведующим Самсониевской воскр. школой в Петербурге. В июне 1862 г. привлекался к делу о пропаганде в воскресных школах. Впоследствии тайный советник, член совета министра финансов» [2, с. 292]. Годом ранее закончил лицей его брат, поэт (автор «Дубинушки») Александр Александрович Ольхин, привлекавшийся также по делу Л. Мирского за укрывательство последнего. (По какому-то таинственным причинам сведения об А.Ольхине нем не были включены в словарь Революционных деятелей) [1, с. 388];

– Борщов Николай Григорьевич – брат революционера Ильи Григорьевича Борщова, окончившего Александровский Лицей в 1853 г. – в 1857–1858 гг. был командирован академией наук за границу, где «был в сношениях с Герценом. В январе 1863 привлекался к допросам по делу о сношениях с «лондонскими пропагандистами». Впоследствии – профессор киевского университета по кафедре ботаники» [2, с. 50].

Таким образом, получается, что учеба в Александровском лицее вполне могла

способствовать тому, что Ставрогин также проникся «нигилистическими идеями», как некоторые его реальные однокурсники. С другой стороны, нельзя не отдавать себе отчет, что никакой логики в появлении революционеров или просто «неблагонадежных» в том или ином учебном заведении нет, потому что ни ветру, ни ору, ни революционным веяниям нет закона. Именно XXIV выпуск каким-то неожиданным образом оказался одним из наиболее урожайных по части тех самых «неблагонадежных» выпускников, хотя таковых среди выпускников Лицея было немало: сподвижники и корреспонденты Герцена уже упомянутый А.И. Европеус, Н.А. Траверсе (выпускник XVII курса), народоволец А.А. Слепцов [7, с. 223]. Таким образом, наблюдается противоречие между замыслом и воплощением: в учебном заведении, предназначенном для того, чтобы формировать бюрократическую элиту России, все равно возник рассадник революционеров.

Что же касается обучения Николая Ставрогина в Александровском лицее, то, скорее всего, у Варвары Петровны могли быть совсем другие резоны, чтобы отправить сына туда. В университетах учились представители разных сословий, дети купцов и интеллигенции, а лицей был исключительно дворянским, с преимущественным насаждением дворянской культуры и с презрительным отношением к другим ее видам [7, с. 253]. Варвара Петровна Ставрогина – единственная дочь очень богатого откупщика, чья фамилия даже не называется [3, с. 17]; ее, возможно, одолевал комплекс социальной неполноценности, и она стремилась подвергнуть сына частичной социальной изоляции, чтобы ничто не напоминало ему о не слишком далеких предках. и поэтому отправила его в аристократический лицей, а не в чересчур демократичный университет.

Список литературы:

- [1] Большая советская энциклопедия / Третье изд. Т. 18. – М.: Издательство «Большая советская энциклопедия», 1974.
- [2] Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь. От предшественников декабризма до падения царизма. Том первый. От предшественников декабристов до конца «Народной воли». Часть вторая – шестидесятые годы. Составили А.А. Шилов и М.Г. Карнаухова. – М.: Общество политкаторжан, 1928.
- [3] Достоевский Ф.М. Бесы // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30-ти т. Т. X. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. – 519 с.
- [4] Игнатъев Д.Ю. Театральность университета: российский контекст // Общество. Среда. Развитие. – 2012, № 2. – С. 105–109.
- [5] Летагин А.Н. Образование как «диалог со временем» // Диалоги об образовании. Российский и шведский опыт (Dialogues on Education. Russian and Swedish experience). – СПб.: Лань, 1999. – С. 366–375.
- [6] Павлова С. В. Лицей и лицеисты. – М.: Гелиос АРВ, 2015. – 317 с.
- [7] Руденская С. Д. Царскоелицейский – Александровский Лицей. 1811–1917. – СПб.: Лениздат, 1999. – 511 с.
- [8] Сараскина Л. И. «Бесы» – роман-предупреждение. – М.: Советский писатель, 1990. – 480 с.
- [9] Список выпускников Александровского лицея. – Интернет-ресурс. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_выпускников_Александровского_лицея (05.06.2017)
- [10] Список выпускников Царскоелицейского лицея. – Интернет-ресурс. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_выпускников_Царскоелицейского_лицея (05.06.2017)